

О. М. ШУБНИКОВА

Воспоминания о В. И. Вернадском как учителе

Мне посчастливилось быть ученицей Владимира Ивановича в период 1904—1911 гг., т. е. в годы расцвета его минералогической мысли и его деятельности как профессора Московского университета и Московских высших женских курсов. Я слушала его лекции по кристаллографии и минералогии на Высших женских курсах, затем работала как специалистка по минералогии там же в лаборатории, а после отъезда его ассистентки Е. Д. Ревуцкой в Петербург заняла ее место.

В. И. читал лекции просто, без каких-либо ораторских приемов, но каждый из сообщаемых им фактов он освещал исторически, указывая на новые перспективы или новые идеи, рождающиеся в процессе развития науки, а потому его лекции слушались с большим интересом. Иногда в процессе изложения той или иной идеи лицо его озарялось удивительной улыбкой, которая была связана не с окружающей обстановкой, а с теми мыслями, которые его волновали.

Свои лекции В. И. начинал всегда ровно в 9 ч. утра. За четверть часа до их начала В. И. был уже в лаборатории. Он успевал за это время поговорить с каждым лаборантом о ходе его работы.

Первой темой, которая давалась начинающему минералогу, была кристаллографическая. Надо было выкристаллизовать пригодные для измерения кристаллы, их измерить, определить их оптику и другие свойства и описать. Выбор объекта исследования всегда был связан с каким-нибудь широким вопросом, на который В. И. искал ответа. Иногда это был вопрос о причине образования штриховки граней или о связи люминесценции или триболюминесценции с симметрией кристалла и т. д. Таким образом, начинающий научный работник уже чувствовал, что его маленький труд может пролить свет на большие научные вопросы.

До того как приступить к самой работе, В. И. требовал исчерпывающего знакомства с литературой по данному вопросу. Отговариваться незнанием языков было невозможно. Мне как-то потребовалось для работы познакомиться с испанской статьей; на мои слова, что эта статья мне недоступна, так как я не владею испанским языком, В. И. просто, но безапелляционно, сказал: «Возьмите словарь и прочтите», — что и пришлось сделать.

В. И. придавал большое значение организации рабочего места и считал, что оно должно быть так организовано, чтобы было удобно работать. Конечно, это «удобство» надо понимать не в обычном смысле, а в смысле хорошего научного оборудования.

Наша скромная минералогическая лаборатория Высших женских курсов была именно так и организована. У каждого научного работника под руками всегда была необходимая справочная литература, были измерительные и оптические приборы (гониометры, аппарат для измерения угла оптических осей, рефрактометры, микроскопы, спектроскоп и пр.), была хорошо оборудованная лаборатория на 6 человек и отдельная лабораторизированная комната для ассистента. В лаборатории была платиновая посуда, весы, сушильные шкафы, чистые реактивы и пр. «Минералог должен работать в лаборатории», — таково основное требование Владимира Ивановича.

Специалистки по минералогии проходили детально методику химического анализа и обязательно производили силикатный анализ. Ежедневная практика минералогов состояла в определении минералов с помощью паяльной трубки.

Когда сотрудник стоял перед В. И. с минералом в руке и рассказывал ему о результатах своего определения, он должен был быть всегда готовым ответить на самые разнообразные вопросы. В. И. никогда не удовлетворялся простым ответом, что определен такой-то минерал. Ему нужно было услышать от экспериментатора точный ответ, какие соображения заставили его остановиться на таком способе определения, а не на другом. Экспериментатор должен был перечислить проделанные реакции и обязательно рассказать, какие у него были колебания при определении. В заключение В. И. всегда обращал внимание сотрудника на еще какой-нибудь микроскопический минерал в штуде, которого тот не заметил.

Своим требовательным подходом к ученикам он вырабатывал у них четкость работы. Мы все знали, что к В. И. можно идти только тогда, когда уже нет никаких сомнений в определении минерала.

Я помню, как однажды мне достался крупный образец уральского гётита, который был определен мной без колебаний. Но при дальнейшей беседе мне было очень не по себе. На вопрос — чем гётит отличается от гидрогётита, о котором в простых определителях и не упоминалось, и сколько в каждом из них процентов воды, — я ответить не смогла.

Я не помню, чтобы В. И. давал своим ученикам какие-либо подробные объяснения и указания, но он учил и направлял их мысли путем вопросов. Он не оказывал на учеников никакого давления, и каждый из них шел своим путем, работая в области, его интересующей. Вот почему среди близких ему учеников и ассистентов мы видели и самобытные фигуры химиков — П. К. Алексата и К. А. Ненадкевича, кристаллографа — В. В. Карандеева, минералогов — П. П. Пилипенко, Л. Л. Иванова, С. П. Попова, минералога-геохимика — А. Е. Ферсмана, петрографа — В. В. Аршинова и др. <...>

